

РЕЦЕНЗИЯ

„Краткая история Турции“, Госполитиздат, 1948 г., 303 стр. ;
„Очерки новейшей истории Турции“, изд. Академии Наук СССР,
1948 г., 280 стр.

Среди стран Востока Турция по своей военно-стратегической и экономической значимости занимает одно из первых мест. Поэтому появление новых работ по истории Турции, ставшей ныне прислужницей англо-американского империализма, имеет большое актуальное значение. В этом отношении последние две работы — „Краткая история Турции“ и „Очерки новейшей истории Турции“ проф. Миллера заслуживают особого внимания.

В первой из названных работ А. Ф. Миллер дает сжатую политическую историю Турции с возникновения Османской империи до 1948 г. Эта работа не является оригинальным исследованием, а представляет собою лишь сжатое изложение истории Турции и может дать нашему читателю общие сведения о Турции.

Первые четыре главы „Краткой истории Турции“ автор посвятил истории Турции до начала первой мировой войны, а последние пять глав посвящены новейшей истории Турции и являются по существу кратким изложением второй работы автора — „Очерки новейшей истории Турции“.

А. Ф. Миллер, говоря в „Краткой истории Турции“ о захвате турками Балканского полуострова, Египта, Сирии, Палестины, Мосула и пр. стран, не говорит ни одного слова о захватнической политике османских султанов в отношении Армении, Грузии и Азербайджана, приведшей к длительным войнам между Турцией и Персией, закончившимся заключением мира в 1639 году, по которому вся западная Армения попала под иго Османской Турции. Умолчание об этом на руку нынешним турецким реакционерам, которые всячески стараются „доказать“, что захваченные турецкими ордами земли исконно являлись частью турецкой территории. Вот что пишет по

этому поводу один из турецких реакционеров Асым Ус в газете „Танин“ в номере от 17 июня 1945 г.: „Эти земли (речь идет об округах Каре, Ардаган, Артвин, Сурмалу) не были переданы Турции по договору 1921 года, а являются турецкими землями. Эти земли царская Россия отобрала у Турции без всякого права. По договору 1921 г. Турции были возвращены турецкие земли. Эти земли, население которых на протяжении всей истории было турецким, являются неотъемлемой частью нашей родины“ (Курсив наш—Е. С.)

В главе — „Превращение в полуколонию“ А. Ф. Миллер, говоря о свирепой реакции, царившей в Турции в эпоху абдул-гамидского абсолютизма, и об острой борьбе между империалистическими державами, благодаря которой Турции и удалось отстоять свое существование, не раскрывает полностью националистическую политику султана Абдул-Гамида. Так, например, причину резни армян автор видит в следующем: „В качестве „выхода“ для накопившегося народного недовольства Абдул-Гамид II провоцировал столкновения между мусульманами и христианами. В середине 90-х годов XIX века жертвой этих провокаций сделался многострадальный армянский народ“ (стр. 106). Имеющиеся многочисленные источники свидетельствуют о том, что резня, организованная Абдул-Гамидом, была лишь одним из методов осуществления его политики в отношении армян, а не случайным следствием его реакционной внутренней политики. Политику султанского правительства в Армении четко определил в свое время крупнейший землевладелец, англофил Кямиль-паша, долгое время возглавлявший правительство Абдул-Гамида: „Если в европейской Турции мы согрели змей (речь идет о сла-

вянах, которые восстали против Турции в 1876 году), то мы не должны в азиатской Турции повторять ту же глупость; благоразумие требует уничтожить и стереть с лица земли нашей все те элементы, которые могут впоследствии угрожать нам опасностью и служить объектом вмешательства и орудием в руках европейских держав". Далее он говорил: "Теперь, и во всяком случае сегодня, наши интересы и интересы Англии требуют, чтобы в Малой Азии (мы и Англия не признаем слова „Армения“, и даже челюсти, которые произносят эти слова, должно размозжить), наши территории были свободны от источников вмешательства других; следовательно, для достижения этой священной цели необходимо эту армянскую нацию стереть с лица нашей земли и бесследно (т. е. беспощадно истребить). Для осуществления этой программы у нас имеются такие средства, как курды, черкесы, областные начальники, судьи, сборщики податей, полиция, все, кто объявляет священную войну против той нации, которая не имеет оружия и защиты: мы же, наоборот, имеем оружие и армию и самую великую богатую державу мира, как нашу союзницу и покровительницу наших владений в Малой Азии. Если эта армянская нация будет истреблена и христианская Европа (т. е. Россия—Е. С.) не сможет отыскать в Малой Азии ни одного христианина, тогда она оставит нас в покое, и мы сможем заняться нашими внутренними делами и государственными преобразованиями".¹

По этому же поводу английский священник Мак-Коль писал, что избиение армян в Турции в XIX—XX веках „происходит... с правильностью законов природы в истории турецкого управления не как взрывы местного фанатизма, но как политические акты, связанные с известной системой и совершаются неизменно по приказанию или по внушению султана и его советников".²

¹ Журн. „Порц“, 1879, VII—VIII, стр. 204—205.

² Кан. Мэлькольм Мак-Коль. „Ответственность Англии перед Арменией" (см. сборник „Положение армян в Турции", изд. 1896 г., стр. 173).

Другой автор, известный французский дипломат Жюль Камбон, говоря об армянской резне 1894—96 г. г. пишет: „Беспорядки там (в „Турецкой" Армении—Е. С.) никогда не прекращались, но в 1895 и 1896 г. г. они достигли небывалых размеров. На всем пространстве империи фанатические банды нападали на армянское население, убивали, грабили, похищали женщин и продавали их на рынке, как рабынь... Возникал вопрос, не действуют ли убийцы и правительство заодно и не задумано ли наверху (в правительстве султана—Е. С.) уничтожить всю армянскую нацию. В Диарбекире, Эрзеруме, Сивасе, Трапезунде и даже в Константинополе местные христиане жили под вечным страхом. Христианское население, обезумев от ужаса, бежало..."

Приведенные выше высказывания, как и многочисленные другие исторические документы, показывают, что султанская политика была направлена на физическое уничтожение армян на их же собственной родине. Согласно А. Ф. Миллеру получается так, как будто находившиеся под гнетом Турции христианские народы, в том числе и армяне, подвергались физическому уничтожению лишь потому, что султан Абдул-Гамид в этом находил „выход" для накопившегося народного недовольства, в то время как все это было результатом совершенно недвусмысленной и заранее продуманной националистической политики турецкого правительства.

Ни слова не сказано у А. Ф. Миллера о том, что небывалые страдания армянского народа в Турции, особенно трудящихся армян, вызывали широкое и подлинное сочувствие только в рядах передовой русской общественности того времени.

В работе А. Ф. Миллера не показаны особенности и все многообразие национального гнета. Совершенно недостаточно также сказано о налоговом бремени трудового крестьянства. Автор двумя фразами говорит только о налоге джизье (личный налог для немусульман) и натуральном налоге ашар (десятина). Этими двумя налогами далеко не исчерпывается тот тяжелый налоговый гнет, который

¹ Жюль Камбон. „Дипломат", ОГИЗ, 1946 г., стр. 49.

зуществовал в Османской империи, где помимо джизье и ашар правительство взимало массу других налогов, число которых доходило до двадцати. Налоговое бремя не будет в достаточной степени освещено, если не говорить о форме взимания налогов. А. Ф. Миллер должен был бы особо остановиться на откупной системе взимания налогов, которая была наиболее распространенной в Османской империи.

От такого тяжелого налогового гнета трудящихся не освободила и младотурецкая революция, сбросившая иго абдулгамидовского режима. Активность крестьянских масс, рабочих и мелкой буржуазии города в буржуазной младотурецкой революции была далеко недостаточной для того, чтобы превратить младотурецкую буржуазную революцию в буржуазно-демократическую. Этим объясняется в частности и то, что после низвержения Абдул-Гамида и прихода к власти младотурецкой партии основные вопросы революции—аграрный и национальный—не были разрешены. Более того, в своих зверствах по отношению к подвластным национальностям младотурки превзошли даже Абдул-Гамида. А. Ф. Миллер же ограничивается лишь одной общей фразой: „В этот период имели место новые притеснения армян, попытки ввести арабский алфавит для албанцев, подчинить зейдитов Йемена и шиитов Ирака халифу и пр.“ (стр. 132). Автору по всей вероятности известна аданская резня армян в 1909 г. На этом и нужно было, в частности, показать шовинистическую политику младотурок, которая достигла своего завершения в последующих повсеместных и массовых истреблениях армян в 1915—1916 г. г., о чем А. Ф. Миллер только вскользь упоминает в пятой главе своей работы.

Таковы некоторые замечания по первым четырем главам рецензируемой книги: „Краткая история Турции“. Что касается пяти последующих глав, то мы на разборе их особо не останавливаемся, поскольку эти главы, как было уже сказано выше, являются более сжатым изложением второй, рецензируемой нами книги: „Очерки новейшей истории Турции“.

В последней работе А. Ф. Миллер бо-

лее подробно излагает новейшую историю Турции. В главе „Турция накануне первой мировой войны“ (стр. 11—70) автор дает историю острой дипломатической борьбы стран Антанты с центральными державами за привлечение Османской Турции на свою сторону. Здесь он вполне правильно показывает, что дипломаты центральных держав действовали более активно, чем дипломаты Англии и Франции. Все старания русского правительства убедить своих союзников предпринять решительные шаги для предотвращения вступления Турции в войну на стороне Германии, кончились безуспешно. „Англия и Франция,—пишет А. Ф. Миллер,—не только не содействовали попыткам русского правительства оторвать Турцию от Германии, но своими дипломатическими комбинациями усиливали подозрение и недоверие турок к Антанте“ (стр. 39). „Державы Антанты не предпринимали никаких мер для того, чтобы привлечь Турцию на свою сторону“ (стр. 26).

А. Ф. Миллер, говоря о причинах участия Турции в войне в лагере центральных держав, упускает самое основное. Хотя Турция и являлась орудием империалистической Германии, она вместе с тем сама имела свои собственные захватнические планы. Осуществить эти планы младотурецкая клика могла только в союзе с кайзеровской Германией, ибо захватнические планы турок были направлены, главным образом, против России. По этому поводу председатель германской восточной комиссии Лепсиус пишет, что турки лелеяли мечту включить в состав Османской империи Закавказье, северный Иран, Северный Кавказ, Туркестан. Посол Австро-Венгрии в Стамбуле Понятовский в период первой мировой войны сообщил, что правительство Энвер-паши питает надежду на быстрый захват нефтяного Баку.¹

Во время острой дипломатической борьбы, чтобы угодить младотурецкой клике, кайзеровская Германия, которую мало интересовали захватнические планы турок, делала лишь вид, что согласна с ними и готова им помочь. Германские

¹ Жур. „Пролетарская революция“, № 1 за 1940 г., стр. 82.

дипломаты скрывали от правящей клики Турции свое действительное намерение — превращение Турции в германскую колонию.

А. Ф. Миллер совершенно не говорит о большой шпионско-диверсионной работе турецких и немецких генеральных штабов на Кавказе и в других городах России перед войной и в годы войны.

А. Ф. Миллер, говоря об армянской резне в 1915—1916 г. г., не показывает роли немцев в этих погромах. Слова А. Ф. Миллера, что „Немцы поощряли „изъятие“ армян или „некоторые германские офицеры старались даже нажиться на этом, принуждая армянских торговцев под угрозой репрессий „отдавать за бесценок свои товары“ (стр. 63) ничего не объясняют и слишком умаляют кровавую роль немецких империалистов в деле физического уничтожения армян. Вот что указывал туркам руководитель восточного отдела Министерства Иностранных Дел Германии доктор Рорбах: „Поскольку Армения является препятствием в деле осуществления этого плана, необходимо изменить население этого района, изгнав подалеже местных армянских жителей. Месопотамия, через которую проходит багдадская железная дорога, населена очень редко. Это положение имеет отрицательное влияние на экономическое развитие железной дороги, и потому вполне понятно, что нужно помочь в этом несчастью Германии. С этой целью достаточно выселить армян из Армении в Месопотамию, а на их место разрешить Османскому правительству переселить мусульман из Фракии и России“.¹ Это показывает, что турецкие палачи готовили план физического истребления армян совместно с немецкими империалистами. Методы и способы осуществления этого кровавого плана были заранее разработаны в Константинополе. По приказу из Константинополя в армянских вилайетах были организованы тайные комитеты для проведения в жизнь кровавой программы младотурецкого правительства. Эти комитеты получали директивы за подписью Энвер-паши, Талаата и Назима. На основании этих директив местные турецкие жандармские органы и военные власти наметили спо-

собы физического истребления армян. Заранее предупреждалось, что каждый мусульманин, который сделает попытку защищать какого-нибудь армянина, будет повешен перед своим домом и дом его будет сожжен.

В главе „Национально-освободительное движение в Анатолии и война за независимость“ автор правильно освещает политику Антанты, особенно Англии, которая была направлена на окончательное расчленение Турции. Англия, нарушив ею же подписанное с Турцией Мудросское перемирие, оккупировала Мосульский вилайет и Александреттский район, Италия заняла Анталию (Адалию) и соседние округа вплоть до Коньи. В Курдистане британские агенты готовили восстание курдов под лозунгом „независимости“. Фракию англичане обещали грекам. В Самсуне и Трапезунде намечалось создание греческого „Понтийского государства“. На востоке Малой Азии Англия поддерживала армянских контрреволюционеров — дашнаков, провоцируя их на столкновение с турками. На западе Англия спровоцировала войну Греции с Турцией. В руках турок фактически оставалась Центральная Анатолия, где и возникла национально-освободительная война, направленная против антантовского империализма.

Далее А. Ф. Миллер показывает огромную революционизирующую роль Великой Октябрьской революции в подъеме национально-освободительного движения народов Востока, особенно Турции, где под непосредственным влиянием установления советской власти в России (в которой широкие слои турецкого народа увидели единственный луч надежды), развертывалась национально-освободительная война, направленная против иностранных оккупантов и против феодально-помещичьего гнета. Но рабочий класс Турции был слишком малочислен и политически слаб, чтобы стать гегемоном движения. Он не имел боевой политической партии (стр. 81). Рабочий класс помогал национально-освободительному движению, а не руководил им. Этим и объясняется переход руководства национально-освободительной войны в руки анатолийской турецкой буржуазии, выступившей в качестве представительницы общенацио-

¹ „Кавказское слово“, № 84, 1916 г.

нальных интересов. Окрепшая за годы мировой войны, эта буржуазия превратилась в серьезную политическую силу (стр. 82).

Далее автор, излагая ход национально-освободительной войны, показывает, как Турция была со всех концов окружена империалистическими странами Антанты. Единственная держава, которая оказывала ей помощь, была Советская Россия, поддержка и помощь которой сыграли решающую роль в победе турок над империалистическими оккупантами.

В этой же главе А. Ф. Миллер, говоря вкратце о войне Турции с дашнакской Арменией, не показывает, что кемалистская Турция продолжала шовинистическую политику Абдул-Гамида и младотурок и что она использовала в своих целях предательскую политику дашнаков.

Кемалисты не отказываются от тех захватнических планов султанского правительства, ради которых Турция включалась в первую мировую империалистическую войну. Еще в самом начале национально-освободительной войны Мустафа Кемаль в своей речи на открытии Великого национального собрания Турции говорил, что границы Турции должны включать в свои пределы Батуми, Карс, Ардаган на Кавказе, Мосул и Диарбекир в Месопотамии. Для осуществления этой захватнической политики Кемаль назначил командующим восточным фронтом известного своими зверствами над армянами Кязым-Карабекир пашу, который со своей армией 18 сентября 1920 г. напал на Армению, использовав предательское поведение дашнаков. Кемалистская армия, опустошая захваченные районы, истребляла армянское население.

О зверствах армии Кязым-Карабекира имеется масса архивных материалов, с которыми А. Ф. Миллер, видимо, не знаком. Вот что сообщал 13 мая 1921 г. один из сотрудников связи в Народный Комиссариат иностранных дел ССР Грузии, подробно описывая взятие Александрополя (Левинакан) турками: „Турки сняли все телеграфные аппараты, отрезали город от всего мира и приступили к выполнению своего чудовищного плана, плана уничтожения целого народа... В городе продовольствия не было; отсюда вывод один—уморить население голодом. Ре-

зультаты были блестящие для турок. Беднейшее население и беженцы умирали сотнями, нехватало перевозочных средств для подбора трупов. Эта мера сильно отразилась на детях, которые умирали на улице“.¹

А. Ф. Миллер должен был бы разоблачить демагогию кемалистов, которые перед наступлением армии на Армению заявили, что войска анкарского правительства несут на своих штыках не насилие, а освобождение всех трудящихся.

Вот что писали об этом трудящиеся армяне г. Армавира в своем обращении к главе правительства Советской России Ленину 6 марта 1921 года:

„Кемалистские войска не только не оправдали возлагавшихся на них надежд, но сами стали творить возмутительные гнусные насилия над мирным трудовым армянским населением. По имеющимся достоверным официальным сведениям, при вступлении кемалистов в Карс, турецкими войсками было убито 6000 женщин, детей и стариков, а все трудоспособные мужчины угнаны по направлению к Эрзруму. В Александрополе убито 5000, а насильно уведено более 15000 ч. Кроме того, угнано более 300000 волов и другого скота. Из 64-х сел уцелели три, да и в тех перебиты и угнаны все мужчины. Женщины все поголовно подверглись насилью, все красивые девушки угнаны в гаремы. Из армянских городов и сел вывезено все имеющееся имущество. Из жел.—дор. депо вывезены все машины и приборы, вплоть до последнего винтика. Такова общая картина творимых кемалистами насилий, перед которыми меркнут даже зверства кровавой бойни, устроенной в 1895—96 г. г. недоброй памяти бывшим султаном Гамидом. Глубоко и громко протестуя против гнусных насилий кемалистов, мы, трудящиеся армяне, обращаемся к Вам с просьбой и надеждой, что Вы, возглавляя правительство трудовой социалистической республики, не откажетесь принять меры против неслыханных пагубных зверств турок, чинимых с ведома прикрывающегося демо-

¹ Политарх. НКВД СССР, инв. № 53351, лист 14.

кратической маской Анкарского правительства".¹

Как и в своих других работах („Страны Ближнего и Среднего Востока“, раздел „Турция“, ОГИЗ 1944 г., стр. 19—99, „Турция в 1918—1923 г. г.“, в сборнике Новейшая история“, изд. Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б), М-а, 1946 г., стр. 229—260, „Турция в 1924—1944 г. г.“ изд. Высшей Парт. Школы, М-а 1947 г., „Турция и проблема проливов“, М-а 1947 г.), так и в последних двух рецензируемых нами работах А. Ф. Миллер чрезмерно идеализирует Кемалья Ататюрка. „Умер Кемаль Ататюрк.—говорит он—человек умный, человек любивший свою страну и свой народ“ („Краткая история Турции“, стр. 6, „Турция и проблема проливов“, стр. 20). Для А. Ф. Миллера Кемаль Ататюрк являлся защитником интересов как крупных помещиков и капиталистов, так и трудящихся турок. Что дала, однако, трудящимся кемалистская революция, кроме политического и экономического закабаления их крупными капиталистами и помещиками, представителями которых являлись сами кемалисты?

Товарищ Сталин дал четкую характеристику сущности кемализма; „...Кемалистская революция есть верхушечная, революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная в своем дальнейшем развитии, по сути дела, против крестьян и рабочих, против самих возможностей аграрной революции...“². Далее товарищ Сталин отмечает, что „...правительство кемалистов—это есть правительство борьбы против рабочих и крестьян...“³.

А. Ф. Миллеру хорошо известно, что кемалисты показали свое истинное лицо еще в дни разгара национально-освободительной войны 1919—1922 г. г. По мере развертывания борьбы в самой Турции, а также под влиянием успехов советской власти в России колоссально усилилось влияние Советской республики и большевистских идей на Турцию и на весь

Восток. Распространение большевистских идей внушало кемалистам тревогу. Они постарались принять ряд мер для противодействия большевистскому влиянию. Компартия Турции на своем съезде, происходившем в 1920 г. в нелегальных условиях, в своих решениях подчеркнула, что правительство Великого национального собрания Турции (ВНСТ), во главе которого стоял Кемаль, ищет спасения от внутреннего кризиса путем поспешной ликвидации, а не углубления освободительного движения и становится на путь капитуляции перед европейским капиталом и соглашения с реакционным константинопольским султанским правительством. Призвав рабочих и крестьян к борьбе с реакционными и изменническими тенденциями во внутренней и внешней политике правительства, съезд КПТ отказал в поддержке внутренней политики правительства. Он предложил Центральному Комитету в дальнейшем разоблачать всякую попытку правительства ликвидировать освободительную борьбу.

Для борьбы с компартией кемалисты организовали так называемую правительственную коммунистическую партию, в которой ничего коммунистического не было, что видно из ее первого же воззвания, гласившего: „Турецкая коммунистическая партия с помощью Аллаха окончательно организована“. Кемалисты, организуя эту партию, старались взять под свой контроль людей, находившихся под влиянием большевистских идей, и направить их по кемалистскому пути. В правительственную компартию входили многие крупные чиновники, не имевшие ничего общего не только с коммунизмом, но и вообще с демократией. Правительство Великого национального собрания Турции вело энергичную борьбу с истинной турецкой коммунистической партией, о чем пишет и сам автор на стр. 106. Известно, что по тайному приказу правительства ВНСТ (что А. Ф. Миллер почему-то берет под сомнение, заявляя, что „...если не центральное правительство, то во всяком случае, местные власти поощряли убийц“ (стр. 119)), 28 января 1921 года в Трапезунде были зверски убиты и выброшены в море 17 руководящих работников компартии Турции во главе с Мустафа Субхи. С тех пор компартия

¹ Политархив НКВД СССР, 1921 г. № д л II, папка 6, оп. 4.

² Сталин, Об оппозиции, стр. 573.

³ Там же, стр. 594.

Турции объявлена вне закона. Турецкая правительственная коммунистическая партия, совершив свое провокационное дело, была ликвидирована.

Внушали опасения кемалистам и крестьянские партизанские отряды, а также „зеленая армия“, о чем говорит и сам автор на стр. 109—110. Кемалисты разоружили „зеленую армию“ и крестьянские партизанские отряды, носившие на своих плечах основную тяжесть национально-освободительной войны. „Постановлением Великого национального собрания против них (партизанских отрядов и „зеленой армии“—Е. С.),—читаем мы в „Tarih“,—были направлены регулярные войска, и „как увидим дальше, победив и разгромив этих мятежников, заставили их бежать“.¹

Это все говорит о реакционной сущности кемализма, на что А. Ф. Миллер как в рецензируемой, так и в других работах почти не указывает. Он не говорит также об отсутствии с самого начала в кемалистской Турции самых элементарных демократических прав. И совершенно не случайно, что сегодня американские империалисты, проводя свои экспансионистские планы на Ближнем Востоке под лозунгом „борьба с коммунизмом“, опираются именно на Турцию, где с момента установления нынешнего режима велась ожесточенная борьба с коммунистическим движением, где теперь турецкая реакционная клика под диктовкой своих американских хозяев создала специальную „Комиссию по борьбе с коммунизмом“ во главе с небезызвестным реакционером Джахидом Ялчином.

Турецкая правящая клика и правящая народно-республиканская партия пришли к оголтелой реакции не случайно. В работах же А. Ф. Миллера это показано в совершенно недостаточной степени.

Автор во всех своих работах преувеличивает значение внутренней политики турецкого правительства. Так, например, говоря об „этатизме“ (вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны) А. Ф. Миллер пишет: „Особенно крупную роль в политике кемалистов сыг-

рал этатизм“. „Этатизм был следствием отсталости Турции“ (стр. 161).¹

Основной целью этатизма, как известно, являлось освобождение Турции от экономической зависимости империалистических держав. Автор должен был показать, как, вследствие уступок, сделанных турецким правительством западному капиталу, этатизм стал терять свой первоначальный характер. Проникновение иностранного капитала в Турцию особенно усиливается после конференции в Монтре в 1936 г., когда кемалистское правительство открыто перешло в лагерь европейских империалистических держав. Империалистические державы, воспользовавшись изменением внешнеполитической ориентации турецкого правительства, путем предоставления займов Турции еще более усиливают свои позиции в экономической и впоследствии политической жизни Турции. Политика этатизма все больше и больше уступает свое место западному капиталу, а в послевоенные годы, в связи с усиленным проникновением американского капитала, совсем потерпела крах, о чем А. Ф. Миллер умалчивает. Этот крах признают сами турецкие газеты.

„В настоящее время,—пишет газета „Сон саат“,—мы вновь как будто возвращаемся к прежней задолженности, то-есть к тем временам, когда Турция, в результате финансовой и политической зависимости от иностранных государств, была превращена в полуколонию“. Известно, как турецкие промышленные предприятия, не выдерживая конкуренции американских товаров, одно за другим закрываются и тысячи рабочих выбрасываются на улицу. Все это говорит о том, что при господстве частной собственности на средства производства не может быть подлинного государственного регулирования и планирования экономики.

Далее А. Ф. Миллер, говоря о программе правящей народно-республиканской партии Турции (НРПТ), принятой на съезде 1931 г., не подвергает должной критике основные шесть принципов или „стрел“ программы партии. „Партийная

¹ „Tarih“, том IV, стр. 41, Istanbul, 1931.

¹ См. также „Страны Ближнего и Среднего Востока“, стр. 70—71, „Турция в 1924—1944 г.“, стр. 12.

эмблема,—пишет Миллер,—шесть стрел—резюмировала основные пункты программы. Первая стрела—„республиканство“—означала, что республика—единственно приемлемая для Турции форма правления; вторая стрела—„национализм“—провозглашала готовность к борьбе за независимость и за возвышение турецкой нации; третья стрела—„народность“—декларировала народный суверенитет и, вместе с тем, отрицание наличия классов и классовой борьбы в Турции; четвертая стрела—„этатизм“—символизировала стремление к созданию национальной промышленности с помощью и под контролем государства; пятая стрела „лаицизм“—знаменовала принцип светского, мирского государства; шестая стрела—„революционность“—означала верность идеям кемалистской революции” (стр. 160—61).¹

Читатель вправе спросить А. Ф. Миллера, как осуществляются турецким правительством и правящей народно-республиканской партией эти принципы в действительности? Шесть принципов НРП являются лишь удобной ширмой для обмана народных масс Турции. В Турции вместо „республиканского“ строя господствует режим диктатуры и террора. А. Ф. Миллер должен был раскрыть всю ложность принципов „революционность“ и „народность“. О какой революционности и народности может идти речь, когда в Турции господствует террор против всяких организаций, носящих сколько-нибудь демократический характер. В Турции преследуются все те организации и печатные органы, которые противостоят интересам крупных капиталистов и помещиков. О какой „революционности“ можно говорить, когда в Турции господствовал и продолжает господствовать самая оголтелая реакция, хотя турецкая правящая клика во весь голос кричит об отсутствии в Турции классов, классовых противоречий и, следовательно, классовой борьбы. Вот что говорил об этом Мустафа Кемаль в своем предвыборном воззвании в 1931 г.: „Одним из основных принципов является то, что не следует рассматривать турецких граждан по клас-

совому различию, а следует рассматривать всех граждан как одно целое, которое в социальной жизни разделяется на различные профессиональные категории. Рабочие, мелкие заводчики, ремесленники, люди свободных профессий, фабриканты, торговцы, служащие—представляют главный класс рабочих турецкой нации...“

Турецкое правительство под маркой „национализма“ проводило и по сей день проводит в отношении национальностей великодержавно-шовинистическую политику, направленную к тюркизации всех инонациональных элементов. В свое время бывший генеральный секретарь народно-республиканской партии Реджен Пекер в одной из своих речей, излагая программу партии по национальному вопросу, заявил: „Граждан, живущих в современном турецком национальном и социально-политическом обществе, которым внушены мысли о том, что они курды, черкесы, лазы, мы считаем происходящими от нас... Современная действительность не дает возможности предполагать, чтобы какая-либо национальная группа в 5, 10 тысяч, в несколько сот тысяч и даже в миллион человек могла осуществить свою независимость“. Излагая далее важность для национальностей „освоения турецкой культуры“, автор заявляет—„через двадцать—тридцать лет наверняка не найдется ни одного из тех, которых сегодня имеется несколько сот тысяч“.

В соответствии с этими, так сказать, „идеологическими“ установками проводится оголтелая шовинистическая политика. Кому не известна деятельность турецких пантюркистов-фашистов в годы минувшей войны и теперь.

Бывший премьер министр Турции Саграджоглу 5 августа 1942 г. в меджлисе в своей речи заявил: „Мы турки—тюркисты и всегда будем тюркистами. Для нас тюркизм является не только вопросом крови, но и вопросом совести и культуры“. Это заявление премьер министра послужило сигналом к активизации пантюркистов, о деятельности которых А. Ф. Миллер в своих работах говорит совершенно недостаточно.

Пантюркисты открыто стали вспрыскивать шовинистический яд в кровь тюрков. „Я считаю,—заявил Нихаль Адсыз,—

¹ См. также „Турция в 1924—1944 г.г.“, стр. 12, „Страны Ближнего и Среднего Востока“, стр. 70.

что в Турции должна господствовать турецкая раса; желающий называться турком должен доказать чистоту своей крови до третьего колена. Лица, имеющие в себе кровь черкесов, албанцев, армян, арабов и прочих рас, не могут считаться турками. Все ветурки должны быть выброшены из Турции и отправлены в страны, где живут люди их расы... Не должно быть ни одного нетурка ни в государственном управлении, ни в офицерском корпусе". На 3-ей странице духовного завещания Адсыза сыну говорится: „Нация — это значит кровь, потому не считай турками людей нетурецкой расы. Пусть они родились на этой земле, пусть они не знают никакого языка, кроме турецкого, все равно, не верь им. Уничтожай их, рискуя ради этого даже жизнью". „Турки воинственная нация. Война необходима для нации".

Вместо разоблачения шовинистической политики турецких правящих кругов, среди которых немало отъявленных пантюркистов, А. Ф. Миллер, наоборот, считает известного пантюркиста, расиста, фашиста Пейами Сафу, одаренным белетристом, журналистом и ни одного слова не пишет о нем как о махровом реакционере („Страны Ближнего и Среднего Востока", стр. 90).

А. Ф. Миллер на 213—214 страницах рецензируемой работы, говоря двумя—тремя фразами о налоговой политике турецкого правительства, упоминает только введенный в 1943 г. налог на урожай, обязывающий крестьян сдавать государству натурой 10—12% урожая всех сельскохозяйственных культур. Он ни слова не говорит о новом налоге на состояние („Варлык вергиси"), принятом турецким меджлисом 11/XI—1942 г. По предложению министерства финансов налог на состояние должен был охватить 100,000 человек и дать государству 500 млн. лир (около 2-х млрд. рублей), т. е. сумму, вдвое превышающую турецкий бюджет мирного времени. Чем же объяснить, что турецкий меджлис, состоящий более чем наполовину из крупных дельцов и чиновников, тесно связанных с торговыми кругами, мог пойти на такую экспроприацию частного капитала в пользу государства, и почему турецкие газеты, отражающие интересы различных слоев турецкой буржуазии, встретили налог на состояние чуть ли не с ликованием? Ответом на

эту загадку служит речь бывшего премьер-министра Сараджоглу, произнесенная в связи с введением налога, в которой он говорил о людях, „злоупотребляющих гостеприимством Турции". Слово „гостеприимство" могло относиться к кому угодно, только не к турецкой буржуазии. При осуществлении закона о налоге стало совершенно ясно, что этот закон не был актом самоубийства турецкой буржуазии и что он направлен прежде всего против буржуазии греческой, армянской, еврейской и вообще против национальных меньшинств, независимо от их состояния, хотя в законе не упомянуто даже слово „меньшинства".

Налог на состояние должен был дать турецкому правительству тройную выгоду: во-первых, предоставить в распоряжение правительства огромную сумму; во-вторых, подорвать экономические позиции инонациональной буржуазии, являющейся конкурентом турецкой буржуазии, и, в-третьих, обложение тяжелым налогом богачей должно было увеличить популярность правительства в народе, так как налог на капитал обеспечивал широкие возможности для социальной демагогии. Все высказывания турецкой официальной прессы о налоге на состояние, имело целью показать, что правительство на стороне „бедных и страдающих", что оно внимательно следит за тем, чтобы все несли одинаковое бремя, устраняя тем самым всякую несправедливость.

Закон о налоге на состояние совершенно не считался с фактическими размерами капитала и дохода. Таким образом, судьба налогоплательщиков отдавалась на произвол безответственных комиссий, состоящих из чиновников и представителей торговых палат, т. е. целиком из „истинно турецкого элемента". Вот что пишет по этому поводу Джордж Мурэд¹ в американском журнале „American Mercury":

¹ Джордж Мурэд — американский реакционный журналист, известен своими антисоветскими книгами и статьями, и в его туркофильстве сомневаться не приходится, тем более, что его статья, из которой мы цитируем, написана в октябре 1947 г., т. е. тогда, когда Турция превратилась в послушного вассала американской реакции.

„Комитет, состоящий из турок-мусульман, фамилии членов которого держались в секрете и на действия которого нельзя было никому апеллировать, оценивал или определял наугад сумму стоимости имущества граждан и взимал налог. От армянского мальчика—лифтера в гостинице „Токатлян-отель“ в Стамбуле потребовали платить сумму, равную его зарплате за 16 лет; грек—бакалейщик обложен налогом на 45.000 лир. Владелец гостиницы был обложен на 300.000 лир, но смог продать свою гостиницу лишь за половину этой суммы. Старый еврей—юрист, доктор Франкель который много раз представлял Турцию во время многих международных переговоров, был совершенно разорен.

Граждане, которые не могли уплатить полную сумму налога в течение 30 дней, высылались в лагеря принудительного труда в Анатолию. Престарелые и больные, почти исключительно представители нацменьшинств, посылались в этот ад без медицинского освидетельствования и там они умирали от отсутствия заботы о них, а другие—от истощения. Пожилой греческий купец Базиль Константинадис был послан на принудительные работы после того, как все его состояние не могло покрыть налог. В конце концов, его жена сумела завянуть недостающую сумму денег, которую она уплатила турецкому правительству; одновременно с распиской в получении денег ей вручили сообщение о том, что ее муж скончался.¹

О том, насколько размер налога на состояние для турецкой крупной буржуазии был ничтожен, а для нацменьшинства разорителен, показывают приведенные цифры того же Джорджа Мурэда, который пишет, что греки платили в 30 раз больше, чем турки, евреи—36, а армяне—в 47 раз.²

В отношении турок закон о налоге касался только крупной буржуазии, а в отношении нацменьшинства он был распространен на мелкую буржуазию, кустарей, служащих, наемных рабочих (строительные рабочие, садовники, приказчики и т. д.) Турок-хозяин и армянин-приказчик облагались равной суммой. Для вы-

платы всей суммы налога был дан срок в 30 дней. Правительство, воспользовавшись тем, что в такой короткий срок мало-кто мог бы выплатить налог, отправляло многочисленные группы нацменьшинств, не имеющих возможности платить в срок, на принудительные работы.

Объем рецензии не позволяет нам остановиться подробно на этом вопросе. Укажем лишь, что в результате суровых репрессий со стороны турецкого правительства многие из представителей нацменьшинства бежали из Турции в другие страны, что многие арестовывались, что списки арестованных печатались в газетах и что в них не было ни одной турецкой фамилии, и ни один турок не был послан на принудительные работы. Так, турецкое правительство, продолжая традиционную шовинистическую политику Абдул-Гамида и младотурок, всячески добивается уничтожения остатков национальных меньшинств в Турции, о чем А. Ф. Миллер совершенно не упоминает в своих работах.

В Турции нацменьшинства не только находятся под жесточайшим экономическим угнетением турецких господствующих классов, но они также и лишены самых элементарных политических прав, о чем автор также ничего не говорит. Нам кажется, что автору известен закон о выборах депутатов меджлиса, первый пункт седьмой статьи которого гласит: „Для того, чтобы иметь право избирать, необходимо: 1. Быть турком“. Комментарий излишни.

А. Ф. Миллер, говоря кратко о курдских восстаниях 1925, 1931—32, 37 г. г. (см. стр. 151—152, 168), совершенно не показывает политику турецкого правительства по отношению к курдам. Автор должен был показать, что турки, „решив“ армянский вопрос путем прямого физического истребления армян, применяют ту же политику и в отношении курдов. А. Ф. Миллер совершенно не освещает курдский вопрос в период второй мировой войны. Именно в годы войны турецкое правительство, под видом мобилизации в армию, одевало как армян, грузин, греков, так и курдов в специальные формы рабочих батальонов и гнало их в глубь страны на рабский труд. Вот что пишет о курдах корреспондент журнала „Нью

¹ Журнал „American Mercury“, октябрь 1947 г.

² Там же.

стейтсмен энд нейшен" Таугрес: „Противодействие Турции курдскому национализму доходит до намеренной попытки постепенно уничтожить эту расу... Всех курдских мужчин посылают в известный турецкий рабочий корпус, обычно в места, далеко расположенные от их родных мест, с тем, чтобы прервать размножение этой расы. Во всех отношениях это полностью поняли только страдальцы в рабочем корпусе, немногим из которых когда-либо разрешат вернуться домой. Меньшинству населения, служение которого в своей стране ограничивается выплатой тяжелых налогов и рабством в рабочем корпусе, не разрешено носить оружие ни во время прохождения военной

службы, ни частным образом, дома. Турки запрещают употреблять курдский язык“.

Рамки рецензии не позволяют нам остановиться и на других вопросах, затронутых проф. А. Ф. Миллером в его работах, но и из всего уже сказанного видно, что А. Ф. Миллер не в достаточной степени раскрывает реакционную сущность, как внутренней, так и внешней политики кемалистского правительства, приведшей Турцию в лагерь оголтелой реакции и превратившей ее в сторожевого пса англо-американского империализма на Ближнем Востоке. Турция пришла к этому не случайно и не после смерти Ататюрка, как это утверждает А. Ф. Миллер. Об этом свидетельствует весь ход истории кемалистской Турции.

Е. САРКИСОВ